

Интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова шведской газете «Дагенс Нюхетер», Москва, 28 апреля 2016 года

Вопрос: Министр иностранных дел [Швеции](#) М.Вальстрём недавно сказала, что отношения между Россией и Швецией прохладнее, чем много лет назад. Что можно сделать для снижения напряжения в двусторонних отношениях и их улучшения?

С.В.Лавров: Думаю, нужно вернуться к своим коренным национальным интересам с обеих сторон. Мы никогда не отходили от этой позиции, всегда видели в Швеции доброго соседа, хорошего и перспективного партнера в самых разных областях – в экономике, гуманитарных делах, в Арктике, в международных процессах, где Швеция играет достаточно активную роль. Такой же настрой был на шведской стороне. Помню, с 2009 по 2011 гг. у нас был подъем контактов, сотрудничества, политического диалога, состоялся обмен визитами премьер-министров, визит [Президента России Д.А.Медведева в 2009 г.](#), которого я сопровождал. За этот период руководители парламентов и ведомств также ездили в гости друг к другу. Было подписано более 12 соглашений, многие из них межправительственные, в том числе о сотрудничестве в космосе, в рамках программы партнерства для модернизации, здравоохранения, многие другие. Все это было остановлено шведскими коллегами, мы не проявляли никакой инициативы. Со стороны Стокгольма было объявлено о заморозке контактов и присоединении, естественно, к санкциям ЕС после того, как Брюссель почему-то обиделся на нашу реакцию на государственный вооруженный переворот в Киеве, когда к власти пришли национал-радикалы, начавшие публично грозить уничтожением русских и русскоязычных на [Украине](#), прежде всего, начиная с Крыма. Нашу реакцию Вы знаете, не буду на ней останавливаться. Почему-то Брюссель решил, что за это надо наказывать, хотя сам «приложил руку» к тому, чтобы деятели типа А.Парубия, О.Тягнибока, Д.Яроша и им подобных почувствовали безнаказанность. Тогда Стокгольм, присоединившись к санкциям, пошел еще дальше: заморозил контакты по линии парламентов, резко сократил взаимодействие между министерствами и ведомствами даже по текущим, повседневным вопросам. Как следствие, наш товарооборот упал, если не ошибаюсь, на 45%, хотя по-прежнему является достаточно внушительным. Однако ясно, что он далек от существующего между двумя странами потенциала.

Наша позиция очень проста: мы никогда не обижаемся в нашей внешнеполитической деятельности, с пониманием относимся к тем обстоятельствам, которые наши шведские коллеги сейчас приводят в качестве основания своей

позиции. Если М.Вальстрём считает, что отношения самые прохладные, так надо форточку закрывать, чтобы не дуло со стороны тех центров, где генерируется русофобия.

Вопрос: В последние годы много говорят о российской активности в Балтийском регионе. Могли бы Вы прокомментировать тему о российской подводной лодке в территориальных водах Швеции?

С.В.Лавров: Не помню, чтобы в Швеции была информация о том, что подтвердилось нахождение в ваших водах нашей подлодки. Обычно там первые полосы газет занимает сенсация о том, что нашли российскую подводную лодку. Когда через несколько недель выясняется, что это совсем не российская и совсем не лодка, то об этом пишут уже не на первых страницах.

В целом, если говорить о военной деятельности в Европе, прежде всего в контексте отношений между Россией и НАТО и нейтрального статуса Швеции, то мы не заинтересованы в нагнетании какой-либо конфронтационной военной деятельности. У нас были давние договоренности с Альянсом, двусторонние военные проекты с нашими северными соседями, включая Швецию. В этой работе мы всегда исходили из важности мер доверия, транспарентности.

Принципиальное значение имеет понимание военных доктрин друг друга, диалог о которых велся в рамках [Совета Россия-НАТО](#) и был весьма полезен, поскольку было понятно кто что хочет. Мы всегда предупреждали, что проводя линию на бесконечное расширение Альянса на Восток (при том, что это право каждой страны выбирать себе форму обеспечения безопасности, будь то двусторонние или многосторонние союзы), нужно понимать, что если военная инфраструктура будет приближаться к российским границам, то мы, естественно, будем принимать необходимые военно-технические меры. Как говорится, «ничего личного – чистый бизнес». Еще О. фон Бисмарк сказал, что в военном деле намерения не играют никакой роли, главное – это потенциалы. Нам все время говорили, что никакого намерения принимать какие-то меры в ущерб безопасности России у НАТО нет. Однако, если нет намерений, а инфраструктура прямо «у нашего порога», то отталкиваться, наверное, придется не от намерений, а от того, что мы видим своими глазами.

Когда сейчас говорят, что Россия стала опасно действовать вблизи НАТО, я считаю, что это просто нечистоплотная попытка поставить все «с ног на голову». Получается, что, расширяясь все больше, Североатлантический альянс все плотнее приближается к нашим границам. Альянс уже нарушил [Основополагающий акт 1997 г.](#), где сказано, что не должно быть постоянного размещения существенных боевых сил на

территории новых членов. При этом военная инфраструктура НАТО, вопреки данным обязательствам, приближается к нашим границам, а когда мы принимаем меры для того, чтобы быть уверенными в своей безопасности, нам говорят, что Россия опасно действует вблизи границ Альянса. Это границы НАТО к нам подползают. У нас есть такой афоризм: «Чтобы понять отношение к окружающим, надо сначала выяснить, зачем они тебя окружили». Сейчас мы этим и занимаемся. Последний инцидент в Балтийском море - эсминец [США](#), оснащенный десятками крылатых ракет, подходит на расстояние нескольких десятков километров к российской военной базе в Балтийске, на российской территории.

Вопрос: Поэтому были полеты российских истребителей вблизи эсминца?

С.В.Лавров: Наши самолеты выполняли в том районе абсолютно легитимные учебные полеты в международном воздушном пространстве. Они увидели, что американский эсминец с мощным вооружением приближается к нашей военной базе и решили посмотреть, кто это. Как только они увидели, кто это, а это произошло на безопасном расстоянии, они отвернули и продолжили свой полет.

В 1972 г. у нас с США было заключено Соглашение о безопасности полетов. Впоследствии мы предложили заключить дополнительный протокол к этому соглашению, но американцы отказались. [20 апреля в Брюсселе прошло заседание Совета Россия-НАТО](#). Наш Постоянный представитель при Альянсе А.В.Грушко в ходе дискуссий напомнил им об этом. Американцы чувствовали себя неловко, поскольку этого даже не знали.

Речь не о том, что кто-то не хочет признавать НАТО в качестве существующей организации. Это реальность. Нам по-прежнему не нравится, как Альянс себя ведет. Мы видим, что после предпринятой попытки сохранить смысл существования НАТО в рамках операции в [Афганистане](#), всем сейчас ясно, что эта страна стала гораздо опаснее, чем была до ввода войск Альянса. На данном этапе формируется еще одна миссия НАТО. В ходе последнего заседания Совета Россия-НАТО мы поинтересовались у коллег, что они считают важным в этой новой миссии и чего достигли в предыдущей, поскольку это слишком близко к нашим границам и непосредственно затрагивает наших соседей в Центральной Азии, наших союзников. Угрозы, которые продолжают множиться в Афганистане, включая появление там нескольких тысяч боевиков «Исламского государства», особенно на севере, напрямую проецируются на наши коренные интересы.

Еще раз подчеркну, НАТО – это реальность, мы готовы вести с Альянсом диалог. У нас была развернутая, многоплановая совместная Программа действий по многим вопросам, включая ключевую проблему современности – [борьбу с терроризмом](#). Десятки

мероприятий, совместные штабные учения «на земле», на море, в воздухе были запланированы для более эффективного совместного противодействия террористам и экстремистам. Все это закрыто исключительно по идеологическим соображениям, прекращены любые практические совместные проекты, в том числе подготовка кадров для сил безопасности Афганистана, включая оснащение афганской армии боевыми вертолетами, которые им нужны обязательно российского производства.

Говоря о том, на что мы вынуждены реагировать, приведу только два примера. Первое. В основополагающем акте 1997 г. между Россией и Альянсом было условлено, что в Совете Россия-НАТО будет свято уважаться принцип неделимости безопасности и никто не будет укреплять свою безопасность за счет укрепления безопасности других. Иными словами, в формате Россия – НАТО было закреплено то, что уже провозглашалось на высшем уровне в ОБСЕ: должна быть равная и неделимая безопасность. И второе, я уже говорил об этом. Там было записано, что НАТО не будет размещать существенные боевые силы на постоянной основе на территории новых членов.

По первому пункту, о неделимости безопасности. Когда американцы начали разворачивать в Европе сегмент своей глобальной противоракетной обороны, мы им сказали, что это затрагивает нашу безопасность, поэтому мы хотим применить принцип, который провозглашен в Совете Россия – НАТО. Они нам ответили, что это не против нас. Мы сослались на известный афоризм о том, что в военном деле намерения не играют роли, а играют роль потенциалы, и показали на картах и фактах, как планы развертывания ПРО затронут нашу безопасность.

Потом, когда американцы настаивали на своем, мы предложили, если они считают этот политический принцип, касающийся неделимости безопасности, не вполне обязательным, разработать договор на эту тему, чтобы было понятно, какие процедуры применяются, когда кто-то считает, что его безопасность уязвлена или ущемлена. Они категорически отказались обсуждать этот договор. Знаете, что нам сказали? Они ответили, что в Совете Россия – НАТО они провозгласили политическую декларацию о том, что безопасность неделима, но юридические гарантии неделимости безопасности они дадут только тем, кто входит в Североатлантический альянс. На наш вопрос «как же так? мы в рамках ОБСЕ на всю Евроатлантику провозгласили этот принцип» никакого ответа не было.

Второе. Что касается тезиса о том, что не будут размещаться существенные боевые силы на территории новых членов на постоянной основе. Мы тоже начали привлекать внимание наших натовских коллег к тому, что они постепенно создают какие-то базы, в

т.ч. базы противоракетной обороны в [Польше](#), [Чехии](#), затем планировалось в [Румынии](#). Мы спросили, как это соотносится с их обязательством не размещать существенные боевые силы. Они ответили, что это не существенные силы, это непостоянно и будет ротироваться. Поскольку у нас было иное мнение, мы предложили заключить соглашение с НАТО, в котором до последних танка, артиллерийского орудия, батальона был бы расписан объем существенных боевых сил, который имеется в виду в данной договоренности. Они категорически отказались даже обсуждать этот вопрос. Что, конечно, наводит на простые и очень печальные мысли: НАТО, задолго до [событий на Украине](#), хотело оставить себе свободными руки для того, чтобы двигаться вплотную к нашим границам. Рассчитывать на то, что мы будем этому аплодировать, думаю, не должен ни один вменяемый военный или политик. Отвечаем мы абсолютно адекватно и пропорционально. Это необходимость с точки зрения обеспечения нашей готовности к любому развитию ситуации, учитывая что сейчас русофобское меньшинство в НАТО после того, как Альянс попытался найти смысл своего существования в афганской кампании и не смог этого сделать, хочет помочь его объединить уже на сугубо антироссийской основе, представляя Россию угрозой всему и вся.

Вопрос: В этой перспективе беспокоит ли Москву благосклонное отношение Швеции к НАТО? Какова будет реакция России, и какие она предпримет ответные меры, если Швеция решит присоединиться к НАТО?

С.В.Лавров: Одно дело, когда у тебя на севере среди твоих соседей нейтральные государства, другое дело, когда они члены Североатлантического альянса, который, еще раз повторю, мы рассматриваем как реальность, но который в последний период однозначно провозглашает своей целью сдерживание России, называя ее «главной угрозой». Поэтому можно вступать в разные НАТО. Когда в прошлые годы у нас было партнерство, доверие и не было никаких попыток рассматривать друг друга как «угрозу», это одно НАТО. Очевидно, что сейчас НАТО другое, хотя у него идет, я бы сказал, такая «ломка»: они пытаются выглядеть респектабельно, но не у всех получается.

Что касается Швеции, мы подтверждаем право любого государства самостоятельно, исходя из своих национальных интересов, решать, какие формы обеспечения безопасности это государство хочет выбрать. Наверное, было бы правильно спросить у народа. В [Черногории](#) народ спрашивать не стали. Кстати, вот пример. Что Черногория может добавить безопасности НАТО? На этот вопрос ответа не существует. Многие серьезные политики прямо спрашивают, в чем такая уж острая необходимость. Ответ очень простой, хотя его стараются избегать и прикрываются какими-то общими

фразами о том, что растет распространение пространства безопасности и демократии: освоить как можно больше геополитического пространства, «обложить» те страны, которые не во всем соглашаются с НАТО, такие, например, как Россия и [Сербия](#).

Если Швеция решит вступить в НАТО, у нас не появится мысли, что шведы решат на нас нападать. Это я могу сразу сказать. Но поскольку шведская военная инфраструктура в той ситуации будет уже подчиняться верховному главнокомандованию НАТО, то, конечно, мы на наших северных рубежах будем вынуждены принять необходимые военно-технические меры, исходя из того, что по ту сторону границы находится военно-политический блок, который считает Россию угрозой и хочет ее всячески сдерживать.

Вопрос: А какие конкретно меры?

С.В.Лавров: Это не моя работа, это работа наших военных – [Министерства обороны](#) и Генерального штаба России. Когда они видят какой-то потенциал по ту сторону наших рубежей – прямо у границы или чуть подалее от границы, то знают, что это за потенциал на самом деле, что можно от него ожидать в случае, если НАТО вдруг решит, что нас надо сдерживать «горячим» образом.

Вопрос: Раньше Москва выражала беспокойство относительно положения русского этнического меньшинства в прибалтийских странах. Насколько изменилась ситуация?

Понимает ли Россия, что страны Балтии боятся своего восточного соседа?

С.В.Лавров: Насчет того, что они «боятся своего большого соседа». Когда исчезал СССР, они провели свои референдумы и были «отпущены с миром», никто им не угрожал. Там были некоторые эксцессы, в том числе в Вильнюсе, в телецентре. До сих пор, к сожалению, людей преклонного возраста, которые ни на каких гражданских лиц не нападали, а просто защищали телецентр, выполняя приказ, таскают по литовским судам и пытаются обвинить во всех смертных грехах. Считаю, что это мелко и непорядочно. Благородно поступил Советский Союз. Никакой попытки удержать насильно Прибалтику никто не предпринимал, хотя в стране были самые разные эмоции на этот счет, я не буду их касаться. Ушли по-доброму, с сохранением контактов. Никакой благодарности за это никто не увидел и не услышал. Более того, тут же стали говорить, что СССР их «насиловал, использовал, эксплуатировал». До сих пор больные люди выставляют какие-то счета на 185 млрд. евро, не знаю за что. За то, что мы создали там промышленность, модернизировали их экономики, вкладывая в них на душу населения намного больше, нежели непосредственно в РСФСР? Считаю, что это люди с уже неисправимой психикой.

После того, как они стали свободными, как они считают, и независимыми, провозгласив все необходимые решения о своем суверенитете, подчеркну, в отсутствие какой-либо попытки со стороны Москвы затянуть их назад, тем более применив против них силу, они стали рваться в НАТО. Наши отношения с НАТО в 90-е гг. развивались достаточно конструктивно. Мы у наших натовских коллег спрашивали, зачем они хотят принимать Прибалтику. Нам отвечали, что у них (*у прибалтийских стран*) сохранились всякие фобии еще с советских времен и периода Первой мировой войны, когда все это начиналось. В Альянсе выражали понимание, что современная Россия для них (*для прибалтийских стран*) никакой угрозы не представляет, но у них, мол, психология такая: их примут в НАТО и они успокоятся, все будет мирно, конструктивно и только поможет развивать добрые отношения.

Их приняли в НАТО, но никакого успокоения не пришло, особенно к нашим литовским соседям. Более того, сейчас они являются самым агрессивным русофобским ядром, которое заставляет НАТО, используя принцип консенсуса, идти по устойчивому антироссийскому курсу. И это никак не связано с русскоязычным населением. Например, когда произошло обретение независимости этими странами, у нас были проблемы, которые мы решали исключительно дипломатическим путем, например, с [Латвией](#) и [Эстонией](#), где огромная доля населения не получила права граждан. В [Литве](#) гражданство получили все. Поэтому к литовцам у нас вообще никаких вопросов не было. Мы планировали сотрудничать, активно прорабатывали планы, в том числе по транзиту в Калининград, по совместному освоению экономических проектов. Но Литва почему-то оказалась самой русофобской страной в Балтии. Не буду комментировать личные особенности ее руководителей.

Что касается Латвии и Эстонии, то мы действительно с самого начала требовали, чтобы русскоязычным людям дали гражданство не потому, что это была наша прихоть, а потому, что это требование международных инструментов – соответствующих конвенций, решений [ООН](#), [Совета Европы](#) и ОБСЕ. Нам говорили, что они члены Конвенции «О защите национальных меньшинств», но беда в том, что она распространяется только на граждан, а русские в Латвии и Эстонии оказались в «изумительном» с точки зрения цинизма положении неграждан. Евросоюз терпит это безгражданство уже второе десятилетие XXI века.

Сколько процентов шведов живет в [Финляндии](#)? Около 6%? Но шведский там – государственный язык. В Эстонии неграждан также около 6% населения, а в Латвии – больше 12%. В Эстонии они имеют право голосовать на местных выборах, но, правда, их

не могут избрать, на всякий случай. А в Латвии они не могут ни голосовать, ни быть избранными даже на местных выборах.

Кто-нибудь, скажем, португалец или швед приедут в Латвию или Эстонию, проживет там больше трех месяцев и сможет избирать и пользоваться этим правом, не будучи гражданином этих стран. А эти люди неграждане. Как нам говорят, их число сокращается. Есть какие-то программы натурализации. Диалог с этими соседями у нас все-таки какой-то идет. Они нам постоянно говорят, что у них все хорошо – число этих неграждан сокращается. Но по нашей статистике это количество сокращается за счет того, что люди умирают, кто-то из них отчаялся и попросил российское гражданство, кто-то просто уехал. Темпы предоставления гражданства очень низкие. Мы не против их пожелания, чтобы желающие получили гражданство и изучали язык соответствующего государства, но параллельно все европейские нормы требуют, чтобы язык меньшинства сохранялся в обществе, как это делают финны в отношении шведского языка. В Прибалтике закрывают русские школы, хотя на них есть огромный спрос в отдельных частях этих государств. Ссылки на то, что просто нет желающих, являются ложью. При всем при этом, что бы нам не говорили о том, что предпринимаются какие-то меры, и поэтому якобы Россия привередничает, мы требуем не каких-то надуманных вещей, а только того, что содержится в рекомендациях Совета Европы, ОБСЕ и Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации. Только этого и больше ничего.

Кстати, люди, которые не могут голосовать на выборах, исправно платят централизованные и муниципальные налоги. Более того, я скажу самую поразительную вещь. Нечистоплотное проявление подхода к этим людям заключается в следующем: когда проводились референдумы о выходе из Советского Союза, их голоса считали и их голоса были нужны. Мы знаем, что большинство из них проголосовали за выход из Советского союза, наверное, прежде всего потому, что экономически и социально это республики жили лучше многих. Когда их голоса были нужны, то их с удовольствием «прикарманили» и тут же сказали, что теперь они свою миссию выполнили и пусть мучаются в положении неграждан.

Вопрос: Канцлер [Германии](#) А.Меркель высказывала критику, связанную с российскими бомбардировками в [Сирии](#). Это создало впечатление, что отношения между Россией и Германией ухудшились. Что требуется для их восстановления?

С.В.Лавров: Я что-то не припомню, чтобы Канцлер Германии А.Меркель специально касалась темы участия [ВКС России](#) в борьбе с терроризмом в Сирии по просьбе законного Правительства. Мы, кстати, единственное государство, которое

занимается антитеррористической борьбой в Сирии на законных основаниях. Американская коалиция работает там нелегитимно. Хотя я многократно говорил нашим американским партнерам, что это большая ошибка. Также, как они получили согласие у Правительства [Ирака](#), они должны были получить согласие в Дамаске или придти в [СБ ООН](#). Если бы это произошло, у меня нет никаких сомнений, что мы выработали бы резолюцию СБ ООН, которая устраивала бы американскую коалицию и сирийское Правительство, потому что это наша общая беда. То, что они туда пошли нелегитимно, отражает, во-первых, высокомерное проявление позиции о том, что Президент САР Б.Асад возглавляет нелегитимный режим, а, во-вторых, по-моему, желание оставить себе руки развязанными и, стало быть, иметь возможность использовать эту коалицию не только для атаки на террористические позиции, но, возможно, для последующего нападения на силы режима с целью его смены, как это произошло в [Ливии](#). Таких планов официально мы нигде не видели, но периодически они проскальзывают, и уже выдается желаемое за действительное. Надо быть настороже.

Наша позиция в отношении Сирии предельно ясна. Мы ценим, что удалось договориться создать Международную группу поддержки Сирии (МГПС), которая уникальна тем, что включает в себя всех основных внешних «игроков», в том числе за одним столом сидят [Саудовская Аравия](#) и [Иран](#). Это уже о чем-то говорит, потому что два этих протагониста воспринимаются как образы противостояния внутри ислама – сунниты против шиитов. Углублять этот раскол – очень опасный путь.

В работе с нашими партнерами в Саудовской Аравии, Иране и в других странах региона мы постоянно продвигаем необходимость наладить какой-то диалог, скажем, в районе Персидского залива, чтобы арабские страны и Иран создали какой-то механизм укрепления доверия, шаг за шагом выработывали бы соответствующие меры. Пока это дается очень трудно. Но мы убеждены в необходимости решать не только конкретные проблемы, связанные с тем или иным кризисом и конфликтом, а иметь в виду необходимость в принципиальном и системном планах помогать арабским и другим исламским странам находить компромиссы, а не проповедовать священную войну одной части мусульман против другой.

Что касается наших отношений с Германией (как я понял, Вас именно они интересовали), то у нас прагматичные отношения, которые опираются на очень прочную несмотря ни на что экономическую базу, прежде всего потому, что сотни германских компаний работают со своими партнерами в России. Много российских компаний инвестировали в Германию. Бизнес совершенно не хочет, чтобы политика определяла

пути дальнейшего развития российско-германских отношений в ущерб интересам экономики и бизнеса. Когда несколько лет назад началась истерика по поводу того, как Россия отреагировала на вооруженный антиконституционный переворот и захват в Киеве власти национал демократами, и когда впервые Канцлер Германии А.Меркель заявила, что по отношению к России в данной ситуации политика должна доминировать над экономикой, честно говоря, это было не по-немецки. Немцы обычно прагматичные люди, любят, чтобы все было понятно и логично. Повторю, произошло то, что произошло. Решать нашим европейским партнерам. Евросоюз, конечно, будет двигаться в том направлении, в котором захочет идти Германия.

Мы знаем, что далеко не все в восторге от того эффекта, который произвел введение санкций на наши отношения. Решать Евросоюзу, они сделали этот шаг, мы были вынуждены только ответить. Я знаю, что у них в Брюсселе предстоят какие-то дискуссии. Надеюсь, что здравый смысл возобладает. Если нет, то мы уже не будем просто полагаться на волю судьбы или на доброе к нам отношение, которое когда-то появится. Мы будем полагаться только на собственные силы. Если они уйдут от введенных нелегитимных ограничений, это будут дополнительные возможности для сотрудничества. Мы будем исходить из того, что сейчас в долгосрочном плане нашим партнерам, наверное, трудно верить, потому что их продекларированная публично готовность ставить экономику в зависимость от политизированных вкусовых решений, это, конечно, нечто, что необходимо учитывать в полной мере.

Вопрос: Пока нет надежды, что санкции будут отменены?

С.В.Лавров: Я как раз Вам хотел сказать, что мы надеемся теперь только на себя, у нас для этого все есть. Слава Богу, Господь и наши предки оставили страну, которая самодостаточна. Теперь будем работать так, чтобы при всех обстоятельствах не испытывать никакой потребности в том, что до недавнего времени мы закупали только за границей. Повторю, это наш стратегический курс. Это отнюдь не изоляция и не автаркия. Если и когда наши западные партнеры решат вернуться к нормальному поведению, то это будут дополнительные возможности для роста и развития сотрудничества. Но во всех базовых вещах теперь мы будем полагаться только на себя.

Вопрос: Как можно охарактеризовать принципиальные изменения в российской внешней политике за последние годы, например, после избрания В.В.Путина на очередной президентский срок?

С.В.Лавров: Вы знаете, я же сказал сейчас про то, что мы хотим быть самодостаточными в экономике. Это отнюдь не означает, что мы будем выгонять

иностранные компании. Скажем, мебель, которую продает «ИКЕА», очень популярна в России. «ИКЕА» производит ее в России, на российских заводах, на российском сырье, создавая рабочие места для российских граждан. Мы считаем это неотъемлемой частью нашей собственной экономики, как и западные инвесторы, которые налаживают свое производство в Российской Федерации. Со шведами у нас развивается фармацевтика и многое другое.

Насчет того, что наша внешняя политика теперь будет другой, то она, конечно, будет другой, поскольку бизнес *as usual* абсолютно невозможен. Невозможен он потому, что этот бизнес «как обычно», как его понимали на Западе, в Евросоюзе и НАТО, означал только одно: что мы всем должны и должны, прежде всего, стать такими же, как они. Если на Западе отношение, например, к правам человека эволюционирует в сторону вселенского попустительства и вседозволенности, то их не интересует, что это противоречит фундаментальным основам нашей культуры, которая базируется на православной религии – на христианстве. Это только один пример и таких примеров много.

Поскольку так решено и мы так действуем, то любые отклонения России в сторону рассматривались как плохое поведение. Нас постоянно учили в Совете Россия-НАТО, в отношениях с Евросоюзом, что необходимо действовать так-то и так-то. Хотя, повторю, было очень много полезного и мы не хотим это терять. Мы больше не допустим такого способа ведения дел, когда те же экономические отношения становились жертвами идеологии, геополитических расчетов и планов. Я имею в виду хотя бы генезис украинского кризиса. Когда начали вести переговоры о соглашении об Ассоциации с Украиной, то мы в какой-то период сказали украинцам и Евросоюзу, что у Украины уже есть зона свободной торговли в рамках СНГ, большинство товарных позиций в рамках этой зоны свободной торговли перемещается при нулевом тарифе. Поэтому если Украина будет что-то похожее делать с Евросоюзом, то нужно учитывать, что у нас-то с Евросоюзом нет нулевого тарифа. Мы провели 18 лет в переговорах по вступлению в ВТО, в том числе для того, чтобы в контактах с Евросоюзом обеспечить защиту многих отраслей своей промышленности на определенные периоды, потому что мы были в тот момент неконкурентоспособными. Мы хотели выторговать и выторговали себе какие-то льготные годы для защиты банковской системы, сельского хозяйства, системы страхования, отдельных отраслей промышленности. У нас это взаимное обязательство с Европейским Союзом. Мы с Украиной имеем зону свободной торговли. Украина тоже была защищена своим соглашением, по которому она вступила в ВТО. Если вдруг она

снимает все тарифы в отношениях с Евросоюзом, а у нас тоже нет тарифов в отношениях с Украиной, то через Украину к нам хлынет поток тех самых товаров из Европы, который мы хотели задержать до тех пор, пока не станем конкурентными. Все это было абсолютно законно и по обоюдному согласию записано при нашем вступлении в ВТО. Нас не захотели слушать. В.Ф.Янукович еще летом 2013 г. выразил свои сомнения Евросоюзу: он посмотрел на последствия для торговли Украины с Россией и предложил подождать. Знаете, что ему сказали? Это не публиковалось, но это факт. Ему сказали, что если он не подпишет, то подпишет уже другой президент. Собственно говоря, это было причиной, предлогом, которые были использованы для государственного переворота. Это такое экономическое высокомерие – как мы скажем, так и будет.

То же самое касается Восточного партнерства. Это, кстати, придумала Швеция вместе с Польшей. Вроде бы это правильная программа, которая нацелена на то, чтобы продвигать экономическое сотрудничество, выравнивать условия ведения бизнеса, гуманитарные связи. Нас приглашали, но мы спросили, на каких условиях. Ответ, конечно, был вежливый, но смысл его сводился к тому, что условия определяет Брюссель, а фокусные страны, если Россия хочет присоединиться, должны эти условия принять и ими руководствоваться. Мы предложили попробовать как-то по-другому. Может быть, взять не всю программу в целом, а отдельные проекты в отдельных странах и посмотреть, сможем ли мы там втроем работать – Евросоюз, Россия и страна-хозяйка. Нам пообещали предложить соответствующие проекты и ничего не предложили. Сейчас нас уверяют, что Восточное партнерство по-прежнему не будет использоваться как геополитический проект захвата территории и сокращения на этих территориях влияния России. На самом деле ничего не изменилось.

Мы, конечно, не будем сотрудничать в таком контексте и не будем сидеть «сложив руки». Я вам могу это сказать. В этом смысле бизнеса «как обычно» уже не будет. Мы будем разговаривать только как равные партнеры и не будем откликаться на предложение взять за данность любые идеи Евросоюза. Когда Евросоюз созреет к равноправному уважительному диалогу без ультиматумов, без каких-то мер принуждения, то мы будем только рады потому, что, я уверен, этот нынешний исторический период будет не очень продолжительным, так как мы обречены жить вместе. Если в Европе еще сохранились дальновидные политики, то они должны прекрасно понимать, что в нынешнем мире Евросоюз и Россия отдельно не могут быть полностью конкурентоспособными.

Сейчас Евросоюз бьется за свои интересы в рамках переговоров с США о Трансатлантическом партнерстве. Желаем вам успехов в Евросоюзе, потому что идут

очень жесткие переговоры, и мы знаем, как расцениваются некоторые из разделов этого соглашения во многих странах – как, в общем-то, подрывающие целый ряд отраслей в Европе. Но это отдельная тема.

Мы все предпочли бы, чтобы у нас было глобальное торговое инвестиционное пространство в рамках ВТО и предпочли бы не видеть такие тенденции, какие мы сейчас наблюдаем в отношении Трансатлантического и Транстихоокеанского партнерств, когда формируются закрытые блоки. Сначала в них вырабатываются правила, которые устраивают эту группу стран, а уже потом остальным говорят, что есть критерии, на основе которых они могут присоединиться. Но это уже будет, естественно, не так равноправно.

Один аспект: вы как Европа конкурируете, в том числе со своим ближайшим союзником – США. В экономике и торговле есть очень сильная конкуренция. Другой аспект – это положение христианской цивилизации, которая родилась в Сирии, на Ближнем Востоке, которая дала свои мощные корни в Европе, а потом мощные побеги на Восток вплоть до Тихого океана и на Запад вплоть тоже до Тихого океана только уже через американский континент. Я не сомневаюсь, что в современном мире эта цивилизация будет подвергаться дополнительным испытаниям. Мы уже видим, как относится к христианам та сила, которая поднялась на Ближнем Востоке из-за безрассудного вмешательства в дела региона. ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусра» и прочие террористические группировки проводят этнические чистки в отношении христиан. С этой точки зрения нам также было бы важно всем подумать над тем, что будет дальше, равно как и с точки зрения того, каковы тенденции в мировой экономике. Азиатско-тихоокеанский регион становится «локомотивом» и это надолго. Мощно действует [Китай](#), мощно подступает [Индия](#). Если мы будем так «разбазаривать» сравнительные преимущества, которые появляются в случае объединения усилий России и Европы, то ни Россия, ни Европа не добьется хороших позиций в новой глобальной экономической системе.

Вопрос: Что в следующие годы будут делать США?

С.В.Лавров: Это важно, что будут делать США.

Вопрос: На Ваш взгляд, какой из президентов будет лучше?

С.В.Лавров: Этого я не знаю. Важно, конечно, смотреть, что будет делать Америка, потому что по-прежнему США – это мощнейшая держава. Но можно просто смотреть и ждать, когда станет понятно, что США будут делать, а можно все-таки укреплять свои собственные позиции не против США, а ради самого себя. Ради самих

себя Европе и России необходимо быть вместе. Это важно с той точки зрения, что сейчас очень перспективные процессы развиваются на евразийском континенте. Наш Евразийский союз небольшой, но уже есть планы развивать его в контексте торгово-экономического взаимодействия с ШОС – а это уже Китай, скоро там будут Индия, Пакистан, Иран. Это уже совсем другие рынки. У нас есть планы продвижения этих интеграционных процессов в ЕАЭС и ШОС в сотрудничестве, во взаимодействие с АСЕАН. Это уже такая тенденция, которую очень трудно игнорировать, если ты хочешь думать о своих национальных интересах. Самое главное, в отличие от некоторых других региональных интеграционных проектов, этот проект открытый. Он открыт для присоединения всех стран, которые разделяют принципы равноправия, взаимоуважения и учета интересов друг друга, чтобы действовать не подыгрывая кому-то одному, а на основе настоящего баланса интересов. В этом балансе у более сильных будут более продвинутые интересы, но интересы маленьких «игроков» тоже будут учтены.

Насчет того, кто будет президентом США, то это решать американскому народу. Мы знаем, что у них очень сложная система выборов: двуступенчатая, находящаяся в огромной зависимости от финансового капитала, с различными ухищрениями, которые позволяют в отдельных штатах голоса не делить, а забирать по принципу «победитель получает все». И, конечно, коллегия выборщиков, которая может проголосовать так, что президентом станет не тот, кто получил абсолютное большинство голосов населения, а другой человек. Но мы лишь исходим из того, что американский народ будет сам решать, кто будет американским президентом, насколько их устраивает и насколько демократична эта избирательная система.